

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.Н. Фатенков

ДЕСЯТЬ-ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ПОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ В ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИХ ЗАРИСОВКАХ ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА И ЛУИ-ФЕРДИНАНДА СЕЛИНА

***Аннотация.** С позиции экзистенциального реализма осмысливаются содержание и методология литературно-философских зарисовок пореволюционной России, принадлежащих перу В. Беньямина и Л.-Ф. Селина. Европейские интеллектуалы, негативно настроенные по отношению к буржуазному общественному строю, весьма критичны и в восприятии советской действительности. В соотношении с приведёнными историческими свидетельствами выверяется авторское понимание событий прошлого и настоящего, акцентируется приоритет экзистенциального над социальным в сущности человека.*

***Ключевые слова:** философия, событие, экзистенциальное, социальное, история, революция, смысл, язык, В. Беньямин, Л.-Ф. Селин.*

О социальной революции следует судить исторично, в течении времени. Социальное событие, в отличие от события экзистенциального, касается многих, и не только непосредственных участников. Его смысл актуализируется и обнаруживается не сразу. Он может заметно, существенно меняться, не отменяя событийной данности произошедшего и сам не становясь событием, оставаясь подчинённым ему в качестве его атрибута или даже в качестве модуса. Адекватная социально-историческая интерпретация принципиально неидеалистична: событие онтологически полнее и собственного смысла, и всякой мысли о себе.

Смысл есть содержательная форма идеального пласта реальности. Отрыв идеального от субстанциональной ткани сущего умаляет смысл до уровня формального содержания или бессодержательной формы. В параллель с этим обесмысливается неидеальное. Неумалённый,

подлинный смысл есть атрибут бытийствующего субъекта: природного, социального, экзистенциального. Постулирование трансцендентного, божественного субъекта, с всеполнотой смысла и всеполнотой бытия, обесмысливает акт и процесс со-бытия (как выхода бытия навстречу иному и / или возвращения к себе), дезавуирует какую бы то ни было событийность и процессуальность, затушёвывает и десубъективирует актуальность всего иного, тварного.

Смысл экзистенциального события, внеисторичного по большому счёту, плотнее, органичнее — в сравнении с социальным аналогом — привязан к случившемуся. Он незначительно меняется, когда человек возвращается к нему в своих воспоминаниях-переживаниях. Кардинально переосмысливая произошедшее, мы погружаемся в новую экзистенциальную событийность. При этом старая не исчезает, не поглощается небытием. Правда, она может быть естественным образом, ненамеренно забыта,

Статья подготовлена в рамках совместного научно-исследовательского проекта сектора истории антропологических учений Института философии РАН и кафедры философской антропологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по теме «Фигура человека в философии и литературе модерна и постмодерна»

инобытийно запрятана. Новая экзистенциальная событийность, сколь бы ни была она обязана человеческому воображению и ни подчиняла телесное душевному, не вырывает наше психосоматическое существо из реального природно-культурного мира, не уводит в плен спиритуализма и панлогизма. Экзистенциальное свидетельство ответственно неидеалистично. Социально-исторический дискурс без соответствующих экзистенциальных подпорок, личных и личностных свидетельств, чреват умалением событийного смысла и самого события, вплоть до его намеренного забвения, вымарывания из коллективной памяти. Иначе говоря, чреват подменой живой картины истории мёртвой схемой, маскирующей или, напротив, оттеняющей «белые пятна» прошлого, т.е. грозит сползанием в законосообразный идеализм или в абсурд.

Небесстрастной мыслью возвращаясь в пореволюционные для нашей страны 20-30-ые гг. прошлого века, обратимся к свидетельствам двух иностранцев, европейцев, интеллектуалов-литераторов, критически настроенных по отношению к буржуазному общественному строю. Один именуется «левым индивидуалистом», другого назовут потом «правым анархистом». Они сильно разнятся по темпераменту и стилистике письма, по подаче отдельных конкретных тем. Но близки в силе содержательно удалённых интуиций, ёмких и ярких смыслообразов. На них трудно не отреагировать. И не столько ты помогаешь актуализировать какие-то смысловые оттенки в ставших хрестоматийными текстах (возможно, они и не нуждаются в очередной интерпретации), сколько эти тексты помогают оттачивать концептуальное ядро твоих идей.

В зимние месяцы 1926-27 гг. в Москве гостит *Вальтер Беньямин* (1892-1940). Он приехал объяснить с женщиной и попутно — в атмосфере строительства социализма — «избежать смертельной меланхолии рождественских дней», отстраниться от буржуазного времяпрепровождения. Как выясняется, без особого успеха — на обоих фронтах.

Столица Советской России произвела на европейского левого интеллектуала безрадостное впечатление. Да, ни над одним из мегаполисов мира «нет такого широкого неба», но в плане градостроительства Москва — «архитектурная прерия»: как в пригородах, так и в центре. Её деревенская, патриархально-купеческая сущность тут и там проступает наружу. Парадоксальна кремлёвская панорама. «Рядом со сверкающими окнами правительственных зданий в потемневшее небо поднимаются башни и купола: побеждённые памятники стоят на посту у ворот победителей»¹. Антипатичны приезжему убранство

и аура православного храма. «Со слащаво расписанного потолка свисает хрустальная люстра. <...> Там полумрак, это подходит для заговоров. В таких помещениях можно совещаться о чрезвычайно сомнительных делах, при случае даже о погромах»².

Тема социальной революции перекликается на страницах «Московского дневника» с темой еврейской судьбы. (Брат автора Георг, берлинский врач, погибнет в концлагере. Сам он покончит с собой при неудачной попытке покинуть территорию оккупированной Франции.) Враждебными воспринимаются В. Беньямином экспонируемые живописные полотна Поля Гогена: «они обрушивают на меня всю неприязнь, какую не-еврей может ощущать по отношению к еврею»³. Что вызывает отторжение? Вопрос несправедливый, не отвлечённый. Мне, признаться, гогеновская стилистика и сюжеты — с островитянами и их идолами, органичными благодатной земле — близки и понятны. И всегда неуютно, не по себе внутри церковной ограды, в здании, где отправляют религиозный культ. Беньяминовскую идиосинкразию вызывают, думается, густые, сочные краски *самобытной природы* тропиков, фактически устранивающей, табуирующей всякую трансцендентность, всякое преклонение перед запредельно-потусторонним. Вспомним Л. Витгенштейна: «Еврею в подлинном смысле этого слова следует делать ставку на ничто»⁴. Иначе сказать, на неявленную божественную сущность. Зримо проступают две фундаментально различающиеся культурные парадигмы, стратегии, интуиции: имманентизм («язычество», эллинизм) и трансцендентализм (строгий монотеизм, иудаизм). По отношению к ним христианство — промежуточная, переходная, компромиссная форма (в определённом контексте становящаяся — для своих адептов по преимуществу — срединной, снимающей противоречие между мировоззренческими полюсами). Религиозный максимализм обращает христианина в иудея, философствующий христианин обращается в эллина. Впрочем, подтвердит чуждый позитивизму имманентист, не только высшая, но и всякая сущность, каждая сторонняя душа не распахнута настежь, прикровенна. Понять её почти немислимо. За редким исключением нам остаётся довольствоваться интерпретацией: концептуальной игрой, которая, конечно, способствует акту понимания, но не начинает и не завершает его. Прерогатива тут у воли и желания. Захочу понять, быть может, пойму. Не захочу — не пойму ни за что. Культурная дробность, партику-

² Там же. С. 76, 75.

³ Там же. С. 126.

⁴ Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 429.

¹ Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 1997. С. 94.

лярность преодолевается лишь личностным приятием, без посредников, одного человека другим.

Левый индивидуалист повсюду на московских улицах, в учреждениях, на сценических площадках усматривает следы контрреволюции, реставрации, скольжения настоящего к прошлому. Мхатовская постановка «Белой гвардии» М.А. Булгакова — «совершеннейшая подрывная провокация. В особенности последний акт, в котором происходит “обращение” белогвардейцев в большевиков...»⁵. Друзья и знакомые пытаются разъяснить иностранному наблюдателю, что революция продолжается: сменилась лишь её форма, военизированная на хозяйственно-техническую. Принимаются ли разъяснения — непонятно. Визитёру бросается в глаза иное. Буржуазные культурные ценности экспропрированы советским строем механически, формально, но не содержательно и не творчески. Диссонанс между жизненными реалиями и идеологической риторикой воспитывает в молодых людях — внешне активных, но зачастую недостаточно образованных — коммунистическое высокомерие. В массе же своей москвичи не радушны, обидчивы и осторожны. Осторожность — вернейшая иллюстрация тотально политизированной жизни и, вследствие идеологической аберрации сознания, первейший способ убедить собеседника в своей серьёзности. Люди ещё насквозь пропитаны холопством. Нищенство — «единственно надёжная структура московской жизни, всегда сохраняющая своё место»⁶. Европейца поражает также невероятное количество часовщиков: притом что время здесь у нас, действительно, не слишком ценится. Не наблюдают часов счастливые (но только ли они?). До часовщиков баловням судьбы вообще нет никакого дела. Несчастливым те — то и дело попадают на глаза. Такой напрашивается ответный защитный ход.

Обратим внимание на методолого-гносеологическую парадигму В. Беньямина, посредством которой формируется его картина московской жизни. На страницах «Дневника» обнаруживаем своеобразную версию априоризма (с материалистическими коннотациями): не ты погружаешься в пространство созерцаемого — «пространство атакует тебя», открываясь в тех уголках сознания, где «находятся очень важные воспоминания»⁷. *Узнавание оказывается расстроенным воспоминанием*. Экзистенциальная прививка к платонизму и всякому последующему гносеологическому априоризму вполне уместна, жизненно-реалистична. В дальнейшем, по мере творческого движения к тезисам «О понимании

истории» (1940), в методологической матрице немецкого культурфилософа будет усиливаться конструктивистская составляющая. (Априоризм, в зависимости от природы постулируемых допытных знаний, может и подыгрывать, и препятствовать конструктивизму.) Квинтэссенция итогового текста: размышление, историческое размышление по крайней мере, есть не репрезентация, а конструкция. И это уже чересчур: и для материалистической, и для экзистенциально фундированной историографии. Последняя стремится узреть в размышлении *не только* репрезентацию-оттиск, *но и* конструкцию.

Однако даже в своей чрезмерности, а возможно именно благодаря ей, идеи В. Беньямина продолжают вызывать интерес. История, по его утверждению, протекает, воспринимается и описывается не в монотонно текущем — из прошлого в будущее или встречным курсом — времени, а в событийно и концептуально ёмком настоящем, устремлённом в вечное. Настоящее выступает «переходом, в котором время остановилось и замерло»⁸. Это не меж-, а метаисторический переход. Только соотносённость с вечностью даёт настоящему полноту смысла. Подступиться к ней и запечатлеть, пусть и с неизбежными для не вечного существа искажениями, можно лишь в пограничной ситуации, когда мышление наносит той «шоковый удар». Так и прошлое можно удержать лишь в образе-воспоминании, вспыхивающем в сознании на миг в минуты опасности. Впрочем, «чрезвычайное положение» есть, вероятно, ненормированная норма человеческого существования. Получается, по В. Беньямину, что познающий субъект не столько репрезентирует историческое событие, сколько каждый раз заново проводит его презентацию, воочию представляя, ставя прямо перед собой. Без настоящего нет ни будущего, ни прошлого. Конструктивистская линия исторических тезисов вдруг резко обрывается (в согласии с авторской логикой, надо отметить) постскриптумом. «Как известно, евреям запрещено пытаться узнать о будущем (т.е. конструировать его. — А.Ф.). При этом Тора и молитва учат их вспоминать»⁹. Перетолкуем фразу: *прошлое приоткрывается человеку в воспоминании, будущее — в пред-поминании, настоящее поминается человеком здесь и сейчас*.

Без разрывов, гладко причёсанная на левый фасон история оборачивается тупой верой в прогресс, неоправданным доверием к «базису масс», унижительным подчинением бесконтрольному бюрократическому ап-

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ См.: там же. С. 61-62.

⁸ Беньямин В. О понимании истории / Пер. с нем. Н.М. Берновской // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 235.

⁹ Там же. С. 236.

парату¹⁰. Последнее, применительно к началу 1927 г. в СССР, ещё в перспективе. Хотя революция постепенно сходит на нет. В настоящем её слишком мало. Увы... Таковы, по сути, заключения В. Беньямина. Но ведь подлинное непреходяще. Тогда подлинна ли революция? Исчерпывающий ответ способно дать, сообразно беньяминовской методологии, лишь постисторическое человечество. Вот только какое: окончательно спасённое, предельно эмансипированное, абсолютно конформное? Любой нынешний, собственно исторический вердикт заведомо неполон. Потому, в частности, что обременён биполярностью языка, несовпадением плана выражения и плана сообщения в нём. Усиление одной функции ведёт к ослаблению другой. В историческом контексте доминирует сообщаемость, выразительность страдает.

В августе-сентябре 1936 г. Ленинград посещает Луи-Фердинанд Селин (1894-1961). Во Франции уже вышло его «Путешествие на край ночи», странным образом разминувшееся с Гонкуровской премией. Роман издан и у нас, получил отклик. Социалистический агитпроп не может не реагировать, когда из мира капитала обречённо доносится: «Жизнь — это распухшее от лжи безумие...»¹¹. Придворные критики, конечно, страхуются. Вместе с вымученным признанием заслуг в деле разоблачения буржуа — класса чудовищно алчного и предельно ханжеского (кто бы сомневался!) — книга и её автор обвиняются в «созерцательном пессимизме» и «слезливой покорности». Страховка не лишняя. Потому как писатель и вправду далёк от идеалов гуманизма и социального прогрессизма.

Человек для него неизменно остаётся подлым существом. А исторические эпохи не шествуют по восходящей — кривляясь и дразнясь, они гоняются друг за дружкой; и будущее ничуть не лучше настоящего. «Мы живём только ради... разрушительных повторений», состав нашей природы: «девять мерок преступлений, одна — скуки»¹². «Человек человек настолько, насколько курица способна к полёту. Когда... автомобиль её подкидывает в воздух, она взлетает до самой крыши, но тут же падает обратно в грязь, клевать навоз... Это её природа, её призвание. У нас, в обществе, всё точно так же. Самой последней мразью мы перестаём быть лишь под ударом катастрофы. Когда всё более или ме-

нее улаживается, наше естество возвращается галопом. Именно поэтому по поводу Революции суждение нужно выносить двадцать лет спустя»¹³.

По сравнению с советским официозом Л. Троицкий аттестует французского романиста куда более комплиментарно. Он показывает его зрелым мастером, искусённым в медицине и искусстве, наделённым абсолютным презрением к академизму и исключительным чутьём к жизни и языку. Но это свидетельство изгнанника.

Литературные опыты Л.-Ф. Селина гносеологически опираются на органическую взаимосвязь сенситивного и интеллигибельного в ангажированном, эмоционально чутком субъекте. «Видишь лишь то, на что смотришь, а смотришь на то, что уже запечатлено в уме». Формула Теодора Рибо, впоследствии не раз цитируемая его экстравагантным соотечественником, работает не только в схеме классического рационалистического априоризма, но и в условиях ослабленной, неоднозначной детерминации — в рамках отношений корреляции (координации), культивируемых неклассической стилистикой. Возможен и третий вариант, собственно и реализуемый автором «Путешествия»: приведённая формула сопрягается с тезисом о вторичности слова и первичности эмоции. Проживаемое и переживаемое не укладывается в логико-грамматические структуры без содержательных потерь. Письму невероятно трудно состязаться в плане выразительности с устной речью.

К нам Л.-Ф. Селин приезжает с образом России, навеянным художественной классикой. А от русского до советского — и антропологически, и социологически — короткий шаг. Таково очевидное следствие из очерченной выше мировоззренческой позиции европейского гостя. Тот постоянно подчёркивает, что не сгущает краски, а описывает наблюдаемую им ленинградскую жизнь, какова она есть на самом деле. И в этом утверждении реалистической правоты больше, чем объективистского лукавства. Итак, он о нас. Эскизно.

«Раскольников? да у русских каждый второй такой!..»¹⁴. Не худшая, думается, характеристика. Поперхнувшимся процентщикам — стакан воды... Не успели? Ничего страшного. Внесём поправку, со знаком «плюс», в половинчатую пропорцию. Это не оправдание душегубства. Не защита кабинетно-чердачных теоретиков, не способных прокормить себя праведным

¹⁰ См.: там же. С. 232.

¹¹ Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи: Роман / Пер. с франц. Ю. Корнеева. Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. С. 358.

¹² Селин Л.-Ф. Отдавая дань Золя / Пер. с франц. Эсперанс и Сергея Юрьененых [Электронный ресурс] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-zola.shtml>.

¹³ Селин Л.-Ф. Mea culpa / Пер. с франц. Э. Гальего Родригес и С. Юрьенена [Электронный ресурс] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-meaculpa.shtml>.

¹⁴ Там же.

трудом. Это напоминание тем, кто, бессовестно расчертив правовое поле, с законосообразным цинизмом издевается над согражданами. Терпение униженных и оскорблённых небеспредельно.

Об одном своём романном персонаже с русской фамилией (не самой благозвучной, со значением бесплодности одноимённых действий) Л.-Ф. Селин пишет, что тот помешан на справедливости. Знакомо. И вроде бы не критично: если начинать с себя, с личной ответственности, а не с круговой поруки и обобществлённого человечества; если не терять почвы под ногами, не витать в трансцендентальных облаках. Но у нас не тот случай: «бывают просто сумасшедшие, а бывают такие, которые помешались на судьбах цивилизации»¹⁵. Мессианская болезнь. Увы, хроническая. В периоды обострения оборачивающаяся манией величия, помноженной на манию преследования. В остальное время проступающая тоской по не сбывающимся почему-то социальным проектам и ожиданиям. Нет в жизни радости и счастья... Неужели? Вокруг, вон, непочатый край содержательной работы. На улице весна. Девушки сняли с себя всё лишнее. «Барселона» Хосепа Гвардиолы снова не без трофеев. Чего ещё нужно? Мировой гармонии? Всеобщего благоденствия? Так это не скоро. Уж никак не раньше грядущих выборов. Когда избиратель отдаст остатки своего голоса за очередного достойнейшего кандидата. С электората взять больше нечего. Ждать от выборов, впрочем, тоже. А от революции? Понятно, за вычетом короткого эмоционального подъёма сразу после политической пертурбации. Когда всю одиозность — калёным железом и под кронштадтский лёд. Резюме приезжего литератора не оставляет надежд для оптимизма. По прошествии двадцати лет строительства нового общества и яростных обличений отсталой капиталистической системы — всё та же социальная несправедливость и эксплуатация народа: в мутированных, демагогически-дьявольских формах. Всё та же гнетущая нищета. Забытые, запуганные люди. Дома с осыпающимися фасадами. Убогие лавки, торгующие кучей отбросов. Жуткие больницы, негодные даже для постоя лошадей. Санитарки, получающие восемьдесят рублей в месяц, когда пара обуви стоит двести пятьдесят. Местные партийные боссы, восседающие в царской ложе, — и рабочие в выходных костюмах, толпящиеся на галёрке. Общество спектакля: и внутри, и снаружи театрального зала.

На положительные впечатления Л.-Ф. Селин скуп. Числом, но не колоритом. Искренне восхищается городом

«в величину неба». Репликой знатока отмечает изобилие талантов на оперной и балетной сцене. С мужскими интонациями вспоминает образованную и отзывчивую Натали, своего «гида-надзирателя». Возможно, она предостерегла его от небезопасной поездки в Москву...

Смысл коммунистических реалий Л.-Ф. Селин усматривает в окончательном срывании масок с пролетария, «человека базиса», и человека вообще. Тот веками выставляет себя страдальцем и мучеником ненавистной Системы, жертвой социальной несправедливости и политического гнёта. И вот Попо, Прол Пролыч (типизированные имена собственные, используемые писателем для обозначения эксплуатируемого класса) эмансипирован, свободен. Получил в свои руки заводы, фабрики, банки. Однако раздоры никуда не делись, и рабские инстинкты прут из гегемона сильнее, чем прежде. Неприкрытая притеснением капитала, гротескной обнажается сущность пролетариата: «былинный богатырь с куриной жопкой!»¹⁶. Ему, невольнику веры в светлое будущее, только нужно польстить, и он всё примет, всё проглотит! После политического переворота угнетённый победитель стал отвратительно самодовольным, «причём, всё больше по мере того, как его всё глубже опускали в жижу, всё надёжней ограждали от мира! Вот в чём ужасающий феномен. Чем больше он делает себя несчастным, тем больше и впадает в спесь!»¹⁷. Финальная ремарка цитаты, уж точно, про нас — и безотносительно к общественному строю и временным координатам. С корнем бы выдрать этот плаксивый, самоуничижительный нарциссизм! В формате социалистической практики и её личного восприятия зримо обнаруживается подноготная всякой классовой борьбы и революции: «Жадные против Завистливых!»¹⁸. Осязаемо выступает из-за укрытия эгоистический тупик антроподицеи: сплошной коллективизацией — «сверху» — с ним не совладать. Вердикт французского литератора переполняет злая ирония: «Никто об этом никогда не говорит, это не “политично”... Это колоссальное Табу!.. “Последний” из запретных вопросов! И тем не менее: на своих ли он двоих, на четвереньках ли, на спине или кверху задом, Человек, как на небе, так и на земле, всегда имел лишь одного-единственного тирана — самого себя!.. Других не будет никогда... Это, может быть, кстати, и жаль... Может быть, это его и выправило бы, сделало бы, наконец, существом общественным»¹⁹.

¹⁶ Селин Л.-Ф. *Mea culpa* / Пер. с франц. Э. Гальего Родригес и С. Юрьенена [Электронный ресурс] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-meaculpa.shtml>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

¹⁵ Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи: Роман / Пер. с франц. Ю. Корнеева. Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1999. С. 406.

Нелепо искать в селиновских зарисовках (как и в любых других исторических свидетельствах или в их научном, историографическом пересказе) зеркальное, беспримесное отображение советской действительности (как и всякого иного репрезентируемого феномена) и рассуждать по поводу односторонности, предвзятости, шаржированности представленного описания. Впустую морализировать над эпатазирующими ремарками французского словесника и врача, спасшего не одну жизнь,

третировать его как мизантропа и аполитичного нигилиста. Важнее разглядеть в литературно-анатомических срезах Л.-Ф. Селина ту остранный, очуждённую картину, содержание которой позволит нам лучше разобраться в самих себе, прежних и нынешних, обнаружить и преодолеть наши слабости и изъяны. В меру принятое горькое лекарство не отравит совесть и ум человека, не вымарает память, но, возможно, поможет хоть ненадолго излечить душу от щемящей боли за огрехи прошлого и настоящего.

Список литературы:

1. Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ad Marginem, 1997. 224 с.
2. Беньямин В. О понимании истории / Пер. с нем. Н.М. Берновской // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 228-236.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 407-492.
4. Селин Л.-Ф. Отдавая дань Золя / Пер. с франц. Эсперанс и Сергея Юрьенных [Электронный ресурс] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-zola.shtml>.
5. Селин Л.-Ф. Путешествие на край ночи: Роман / Пер. с франц. Ю. Корнеева. - Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 1999. 496 с.
6. Селин Л.-Ф. Mea culpa / Пер. с франц. Э. Гальего Родригес и С. Юрьенена [Электронный ресурс] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-meaculpa.shtml>.

References (transliteration):

1. Ben'yamin V. Moskovskiy dnevnik / Per. s nem. S. Romashko. M.: Ad Marginem, 1997. 224 s.
2. Ben'yamin V. O ponimanii istorii / Per. s nem. N.M. Bernovskoy // Ben'yamin V. Ozareniya. M.: Martis, 2000. S. 228-236.
3. Vitgenshteyn L. Kul'tura i tsennost' // Vitgenshteyn L. Filosofskie raboty. Ch. I / Per. s nem. M.S. Kozlovoy i Yu.A. Aseeva. M.: Gnozis, 1994. S. 407-492.
4. Selin L.-F. Otdavaya dan' Zolya / Per. s frants. Esperans i Sergeya Yur'enykh [Elektronnyy resurs] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-zola.shtml>.
5. Selin L.-F. Puteshestvie na kray nochi: Roman / Per. s frants. Yu. Korneeva. Khar'kov: Folio; M.: ООО «Firma «Izdatel'stvo AST»», 1999. 496 s.
6. Selin L.-F. Mea culpa / Per. s frants. E. Gal'ego Rodrigues i S. Yur'enena [Elektronnyy resurs] // <http://www.mitin.com/people/celine/cr-meaculpa.shtml>.